

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА Э.БУЛЬВЕРА-ЛИТТОНА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

В статье рассматриваются причины и процесс восприятия творчества английского писателя Э.Бульвера-Литтона в России 1880-90-х годов. Исследуется феномен возврата интереса к романисту на стыке двух столетий, делается краткий анализ переводов его произведений и критических отзывов на них в русской периодической печати. Изучаются первые литературоведческие труды русских ученых, рассматривающих творчество Бульвера в общем контексте всемирного литературного процесса.

Творчество английского писателя Э.Бульвера-Литтона (1803-1872) не так хорошо известно русскому читателю, как творчество его современников Ч.Диккенса и У.Теккерея. Тем не менее, его произведения представляют достаточный интерес для чтения и изучения, так как романист творил на стыке двух литературных эпох. Примечательно, что в первой половине XIX века Бульвер-Литтон был популярным и часто издаваемым писателем не только у себя на родине, но и во всей Европе, в том числе и в России. Пик его популярности приходится на 30-50-е годы XIX века, когда была переведена значительная часть его романов, причем все они подвергались строгой оценке и анализу со стороны русской критики.

В последующие десятилетия эта популярность заметно пошла на спад: переводились в основном только те его романы, которые были написаны писателем в 70-е годы XIX века, но и они, как правило, не находили отклика у русской критики. Во всяком случае о Бульвере-Литтоне была напечатана лишь одна статья обзорного характера в «Сыне отечества» за 1872 год.

Однако в 1880-е годы наблюдается возврат интереса к творчеству английского писателя. Об этом говорит и количество статей, и множество переведенных романов, ряд из которых был переведен повторно, а то и в третий, четвертый раз. Новый всплеск такого внимания можно объяснить, во-первых, подобным процессом, проходившим в Англии. Его начало было обусловлено публикацией биографии Бульвера-Литтона ("Life, letters and literary remains" (1883). В качестве издателя выступил сын писателя. В книге был проявлен интерес к личности писателя, к процессу становления его художественных принципов во взаимосвязи с личной и общественной жизнью. Эта публикация вызвала и в Англии, и в России потребность пересмотра переведенных ранее бульверовских произведений, а также перевода и анализа его поздних сочинений.

Во-вторых, рубеж XIX-XX столетий – это во многом время подведения итогов, анализ результатов и пересмотр ценностей, достигнутых на протяжении XIX века во всех европейских культурах. Бульвер-Литтон, творивший в течение ряда десятилетий XIX века, стал неотъемлемой частью английской и мировой культуры, его сочинения также подвергались исследованию и переоценке в русле осмысления общеевропейского литературного контекста. В связи с этим в России 80-90-х гг. творчество английского писателя рассматривалось уже как целостный творческий процесс, обусловленный культурными традициями и конкретными социальными условиями, как законченный этап в истории английской литературы. Кроме того, конец XIX века, как известно, это время зарождения таких наук, как литературоведение и история литературы. К литературному произведению применяются научные теории, упорядочивается литературный процесс, выявляются его закономерности. Несомненно, что сочинения Бульвера-Литтона оказались интересными и в этом плане. Необходимо было определить их место во всемирном литературном контексте, более конкретно, с научной точки зрения определить их роль и значение.

В связи с названными причинами особое внимание в России уделялось переводу произведений английского писателя. В указанные десятилетия были повторно переведены 8 романов Бульвера-Литтона, некоторые из них («Король Гарольд», «Последние дни

Помпей») переводились и переиздавались многократно. Причем среди переведенных произведений были представлены разнообразные жанры и модификации, что говорит о разностороннем интересе к творчеству романиста, не ограниченном временными эстетическими требованиями того или иного этапа развития русской литературы и эстетики. Однако многие сочинения при переводе подвергались изменениям и даже жанровой трансформации, что указывалось уже в заглавии переводных произведений. Так, роман «Король Гарольд» при переводе был превращен в повесть: «Гарольд. Историческая повесть», романы «Последние дни Помпей» и «День и ночь» претерпели изменения в перedelку для юношества, «Какстоны» в переводе были представлены фрагментами трех глав романа.

Такие перedelки изначально преследовали цель популяризации литературы. Произведения Бульвера-Литтона и ранее подвергались сокращению и упрощению, но в конце XIX века это делалось уже вполне осознанно и целенаправленно, о чем говорят указания «перedelка для юношества» или «перedelано для юношеского возраста». Романы английского писателя отвечали просветительским целям, в основном соответствовали средним литературным нормам и были написаны в жанрах, позволявших проповедовать те или иные дидактические идеи.

О восприятии Бульвера-Литтона именно как массового писателя зачастую говорит место публикации его сочинений. Например, в 1881 г. роман «Последние дни Помпей» был опубликован в серии «Библиотека исторических и уголовных романов», в 1884 г. роман «День и ночь» появился в издании, называемом «Общество распространения полезных книг», в 1895 и 1898 гг. исторический роман «Риенци» печатался в журнале «Библиотека для чтения».

При всем жанровом разнообразии, представленном в переводах произведений английского романиста, совершенно очевидно, что предпочтение в России все же отдавалось историческим романам. В указанные десятилетия были переведены многократно «Последние дни Помпей», «Риенци», «Король Гарольд». Данный факт объясняется тем, что исторические романы Бульвера-Литтона излагали исторические факты в доступной и популярной форме, на их основе автор пропагандировал свои идеи, близкие широким читательским кругам. Это делало его романы популярными, в частности, среди молодежи.

В русской периодической печати внимание к Бульверу возобновляется, как уже отмечалось, со времени издания сыном писателя его биографии и писем. Первая статья о Бульвере-Литтоне появляется в журнале «Исторический вестник» за 1884 год. Эта заметка не содержит перевода каких-либо отрывков бульверовской биографии, а, сообщая об ее издании, дает справку, как бы напоминает читателям о Бульвере-Литтоне и одновременно пытается определить значение творчества писателя: «Бульвер, как литератор, не принадлежит к числу первоклассных знаменитостей, но романы его пользовались большим успехом, и драмы, как «Ришелье» и «Lady of Lions», игрались чаще на театре Англии, чем какие-либо другие произведения. Только поэт он был плохой и поэтому больше всего дорожил своими стихотворениями» [1, с. 224]. Критик «Исторического вестника» судит о романисте беспристрастно, основываясь на фактах, с определенной временной дистанции. Поэтому так показательна его оценка произведений Бульвера: не находя его «первоклассным» писателем, тем не менее, рецензент отмечает его популярность, т.е. определенно отводит ему место среди массовых авторов. Хотя критик оценивает Бульвера невысоко, его творчество представляет для автора статьи несомненный интерес. Он считает, что «история литературы обогатилась обширной биографией», имея в виду биографию Бульвера, замечает, что писатель «почти столетия ... занимал собою внимание интеллигентной Англии» [1, с. 224]. В целом, данная статья была скорее информативного, чем оценочного характера, и все же она знаменует собой возврат интереса к творчеству английского романиста, а также одну из первых попыток определить статус Бульвера-Литтона как массового писателя.

В 1885 г. в журнале «Вестник Европы» вышла более подробная рецензия на биографический очерк о Бульвере. Здесь приводятся цитаты из него, конкретные факты

жизни Бульвера, дается и более разносторонняя оценка его творчества. С первых строк своей статьи критик «Вестника Европы» определяет Бульвера-Литтона как писателя, «занимавшего одно из первых мест в ряду нравоописателей – романистов», и вспоминает, что произведения Бульвера «имели массу читателей и немалое влияние даже и вне Англии; на русском языке появлялись также все главнейшие его произведения». Далее устанавливается конкретный вклад Бульвера-Литтона в историю английской литературы: «В пору еще недалекую от романтизма Бульвер выступил с произведениями, где идеализм соединяется с реальным изображением жизни; он отвечал выраставшей потребности в изучении современных условий общества. В этом смысле он был предшественником Диккенса, Дж.Элиота и других писателей реально-идеалистической школы» [2, с. 216]. Таким образом, уже в 1880-е годы было очевидно значение творчества Бульвера как связующего звена между двумя литературными традициями: романтизмом и реализмом. Однако критик «Вестника Европы» явно старается не переоценить эту роль романиста: «Современные критики ставят Бульвера наряду с корифеями английской литературы, но он не представлял собою такого резкого отпечатка сильной личности, какой бросается в глаза в произведениях Байрона и Шелли, Диккенса или Теккерея» [2, с. 216]. Объясняя свою оценку «некоторой двойственностью его <Бульвера-Литтона – И.М.> натуры» и тем самым подтверждая высказывание рецензента «Исторического вестника» о массовой сущности его сочинений, автор статьи указывает также на то, что Бульвер, следуя требованиям современности, использовал в своем творчестве архаичные методы, экспериментируя с ними в различных жанрах и направлениях: «Этот плодовитый писатель пробовал свои силы в романах «фешенебельных», исторических, реалистических, сенсационных, фантастических и др.» [2, с. 217], т.е. действительно пытался «отвечать возраставшей потребности» читательской аудитории. Основываясь на старых методах, романист ставил актуальные для своего времени проблемы, и из этого смешения старого и нового появлялись оригинальные образцы беллетристики. Отметим также, что рецензент представляет в данном случае чуть ли не первую типологию романов Бульвера-Литтона.

В этой же статье был дан перевод некоторых отрывков биографии Бульвера, приведено мнение английского писателя А.Троллопа как наиболее согласующееся с мнением рецензента: «Из романов его можно всегда было вынести не только одно эстетическое наслаждение, но и пользу... В своих романах Бульвер постоянно бьет на эффект и, действительно, его производит; только лучше было бы, если бы не проявлялось вовсе этого постоянного стремления к эффекту» [2, с. 217]. И Троллоп, и русский критик выделяют, таким образом, дидактизм и стремление автора любыми способами заинтересовать читателя как отличительные черты творчества Бульвера-Литтона. Эти особенности также соответствуют канонам массового искусства: привлекать широкие массы и просвещать. Итак, в данной статье, помимо самой биографии писателя, предпринимается попытка анализа и классификации его произведений на основе мнения англоязычного критика, а также определения места Бульвера не только в английской, но и в русской литературе.

1890-е годы ознаменовались подъемом интереса к отдельным произведениям романиста. В данное десятилетие публикуется немного статей обзорного характера (хотя и они встречаются), а в большинстве своем даются рецензии на различные сочинения Бульвера-Литтона. Одна из первых таких публикаций появилась в журнале «Колосья» (1891). В ней давалась оценка вновь переведенного романа «Грядущая раса». Эта оценка относилась не столько к художественному уровню романа, сколько к его идеологическому значению: «Они <романы, подобные «Грядущей расе» – И.М.> колеблют еще очень распространенное мнение, что лучше того, чем то, чем мы обладаем теперь, и быть не может, и не будет... Невинное, на первый взгляд, такое мирозерцание приносит, однако, весьма существенный вред. Оно ложится в основу всякого общественного застоя...» [3, с. 232]. При этом критик подчеркивает и органичность, с которой роман Бульвера вписался в современную литературу: «Характерною особенностью последнего времени являются литературные попытки, имеющие в то же

время целью критику настоящего... Сюда же нужно отнести и роман Бульвера «Грядущая раса» [3, с. 231]. Из художественных достоинств произведения отмечается только оригинальность манеры повествования: «Стиль автора оказывается настолько неожиданным, что английская критика считала «Грядущую расу» произведением нового начинающего писателя» [3, с. 231].

В данном случае мы видим попытку обобщенной оценки произведения с временной дистанции, так как автора статьи интересуют более всего методологическое значение романа, общие тенденции в литературном и общественном процессах. Известно, что жанр утопии приобрел значительную популярность в России 70-80-х гг. XIX века. К этому времени идеи народничества исчерпали себя и распространение получила теория марксизма. Социальные темы в литературе приобрели необычайную остроту, однако в связи с активностью царской цензуры писатели не могли открыто высказывать свои взгляды. Жанр утопии давал возможность русским литераторам, с одной стороны, поднимать общественно значимые проблемы на страницах своих сочинений, критиковать существующие порядки, с другой стороны, делать это в аллегорической, завуалированной форме. Симптоматично поэтому проявление интереса к утопиям и антиутопиям авторов западных стран, где традиции данного жанра развивались с более раннего времени, в частности к «Грядущей расе» Бульвера-Литтона.

Большой популярностью, как упоминалось, в 1880–90-е годы пользовались исторические романы Бульвера. В связи с этим в различных изданиях появляется множество рецензий на такие его романы, как «Последние дни Помпей» и «Риенци, последний из римских трибунов».

Так, в 1894 г. журнал «Мир божий» публикует анонимную статью, содержащую анализ перевода романа «Последние дни Помпей», сделанного Л.Гей в 1893 г. Этот анализ значительно отличается от тех, которые были представлены в периодике 30-40-х гг. XIX в. Здесь отмечается, «что автор сумел в живой, блестящей форме развернуть почти всю жизнь веселого, полугреческого, полуримского города той эпохи, когда на смену античному миру шли уже новые идеалы» [4, с. 205], тем самым подчеркивается основная задача романа – показать древнюю цивилизацию в переходный для нее момент. Бульверу, по мнению критика, весьма реалистично удалось обрисовать характеры героев: «...все это не движущиеся куклы, а живые люди с плотью и кровью, не похожие друг на друга, с резко обрисованной индивидуальностью» [4, с. 205], т.е. «Последние дни Помпей», с точки зрения рецензента, – это роман, который «вполне удовлетворяет» всем требованиям исторического произведения. Однако такая высокая оценка обусловлена, скорее, местом и целью публикации романа. Не надо забывать, что «Мир божий» был журналом «для юношества и самообразования», и редакция подходила к произведению прежде всего с просветительскими критериями. «Последние дни Помпей», при всех своих художественных недостатках, вполне отвечали требованиям редакции и подходили (в адаптированном виде) для просвещения и популяризации знаний. По всей видимости, последнее и оказалось решающей причиной несколько завышенной оценки произведения.

Другой исторический роман Бульвера-Литтона «Риенци» обсуждался на страницах периодической печати более широко. Ему посвящены четыре статьи, подробно рассматривающие достоинства и недостатки сочинения. Причем все они появились примерно в одно и то же время, в 1899 году, как отзыв на новый перевод романа, опубликованный в приложении «Библиотеки для чтения». Этот перевод продолжал традиции данного журнала массового перевода, который вполне оправдывал анонимную публикацию переводного произведения.

При всей разности позиций, на которых стояли критики различных журналов, в оценке «Риенцы» их мнения во многом совпали. В большинстве своем эти издания представляли опять-таки просветительское или либеральное направления: «Образование», «Исторический вестник», «Книжное обозрение» и «Русское богатство». Обращает на себя внимание даже структурное сходство статей о Бульвере: во всех них прежде всего давалась краткая историческая справка об изображенных в романе событиях, затем

обосновывались критерии, с которыми критики подходили к роману, и в конце концов объяснялось соответствие или несоответствие романа этим критериям.

Так, рецензент «Образования» (1899, № 9) Н.Леонтьева пытается объективно оценить исторический подвиг Риенци: «Родившись в XIV веке, этот современник Петрарки, обожавший классический мир и мечтавший о воскрешении прежнего могущества Рима, был предвестником эпохи Возрождения... У него было больше фантазии, чем действительных политических способностей, и его трусливость на поле битвы вне всякого сомнения» [5, с. 73]. Критик «Исторического вестника» (1899, № 6) П.А.Конский называет Риенци «честолюбивым мечтателем и жалким трусом», в чем созвучен с мнением Леонтьевой, а автор статьи из «Русского богатства» отметил также такое его качество, как «развитое самолюбие, честолюбие, любовь к роскоши и жестокость» [7, с. 68]. Таким образом, перед тем как приступить к анализу самого романа, критики представляют своим читателям реальную фигуру Кола ди Риенци, акцентируя внимание на его недостатках.

Среди критериев создания исторического произведения рецензент «Русского богатства» выдвигает следующий: «При оценке исторического романа обыкновенно прежде всего задаются вопросом, насколько он верен изображаемой эпохе» [7, с. 68], т.е. соответствие художественного сюжета и художественных образов реальным событиям и фактам. Судя по отзывам всех трех рецензий, Бульвер «не удовлетворял такому требованию, так как понимание им личности Кола ди Риенци сильно отличается от понимания ее новейшими историками» [7, с. 68]. Все три рецензента считают, что «Бульвер идеализирует своего героя, награждая его необыкновенным самообладанием, умением править людьми и поразительным благородством» [5, с. 73], что для Бульвера «Кола ди Риенци не только смелая, выдающаяся личность, но и герой, лишенный всех общечеловеческих слабостей» [7, с. 68], вследствие чего «утомляет читателя напряженностью тона и тою идеализацией, которая сделала из любопытной фигуры немножко запоздавшего трибуна что-то уж слишком идеально-высокое» [6, с. 1067]. Роман «Риенци», написанный в 1834 году, конечно, не отвечал требованиям историзма, предъявляемым в 1890-х годах. Столь необъективное изображение трибуна, объясняемое романтической философией истории, которой придерживался писатель при создании произведения, сразу бросается в глаза рецензентов. Хотя для этого романа Бульвер выбрал реальное лицо, жившее в конкретную историческую эпоху, но, как справедливо заметил критик, Бульвер переоценил роль отдельной личности в истории, неверно определив значение народа. Ведь именно народ, как это явствует из романа, виновен в падении последнего трибуна. В конце XIX века такая философия, как очевидно, не находила отклика у русских критиков и литераторов.

Однако авторы статей останавливаются не только на недостатках бульверовского сочинения. Роман рассматривается и в художественном отношении, в свете романтической эстетики. Так, критик «Исторического вестника» утверждает, что «в нем много драматизма, интересных положений и благодарной обстановки», «умный и талантливый романист, Бульвер отличается удивительной наблюдательностью», и в целом «романы его поражают необыкновенным разнообразием содержания и блестящей фантазией» [6, с. 1067]. Здесь отмечается умение Бульвера-Литтона заинтересовать читателя, ввести в произведение приключенческие и детективные элементы, зачастую помогающие подчеркнуть авторскую идею, показать исключительность своего героя.

Рецензенту «Русского богатства», при всем несоответствии главного персонажа реальной фигуре Риенци, импонирует «верность автора духу средневековой эпохи, которая обнаруживает научное изучение материала и полное проникновение им» [7, с. 69], тем самым подтверждается романтическая позиция Бульвера, в соответствии с которой цель исторического произведения – передать дух эпохи, ее нравы и культуру как основу своеобразия изображаемого периода. Это подтверждает и замечание критика «Русского богатства» о том, что «обилие романтических подробностей и поэтические образы... усугубляют интерес романа».

Н.Леонтьева, критик журнала «Образование», относится к данным достоинствам произведения более сдержанно. С ее точки зрения герои Бульвера «при всей роскоши

красок, ... довольно однообразны, а лица их похожи несколько на марионеток, и иллюзия нарушается, потому что везде видна рука автора, дергающая их за проволоку» [5, с. 74]. Леонтьева объясняет это тем фактом, что «Риенци» принадлежит к «произведениям эпохи неоромантизма», и поэтому в нем «нельзя искать особенно тонкой психологии» [5, с. 74].

Однако, несмотря на то, что идеальный герой «Риенци» не соответствовал художественным и историческим критериям, выдвигаемым высокой критикой конца XIX века, роман был востребован в России и та же критика отметила достоинства сочинения, благодаря которым он сохранил свою популярность: «научное изучение материала» и «блестящая фантазия» – качества, необходимые произведению массовой литературы.

В последнее десятилетие XIX века в отечественном литературоведении появляется несколько очерков и монографий, посвященных анализу возникновения жанра романа в мировой литературе, в которых подробно рассматривается процесс формирования и дифференциации жанровых модификаций романа, исследуются причины возникновения новых форм. Этот процесс невозможно было показать без анализа достижений отдельных писателей, оценки их вклада в литературный процесс. В первую очередь здесь следует назвать «Очерк истории романа XIX столетия» А.И.Кирпичникова, опубликованный в журнале «Северный вестник» (1897), и монографию П.Д.Боборыкина «Европейский роман в XIX столетии» (1900). В них прослеживаются основные вехи развития западного романа, одну из которых, по мнению исследователей, составляет творчество Бульвера-Литтона. Ему посвящены отдельные разделы, в которых произведения писателя внесены в контекст английской и мировой литературы, подводится итог его творчества, оцениваются новаторские тенденции.

Совершенно очевидно, что эти оценки давались авторами с разных позиций, что привело к различным, даже несколько противоположным выводам. Так, А.И.Кирпичников, видный исследователь-литературовед, стоявший у истока литературоведения и истории литературы в России, подходил к анализу сочинений с уже сформировавшейся научной концепцией. Основными методами исследования для ученого были индуктивный и сравнительный, позволявшие ему на основе изучения литературного произведения установить ряд общих закономерностей развития литературы, в котором Бульвер-Литтон занимает достойную нишу, хотя и с некоторыми оговорками.

Кирпичников представляет Бульвера как ученика Байрона, выявляя истоки его творчества: «И в «Пельгаме» заметно сильное влияние «Дон Жуана» Байрона, – как в умно-небрежном тоне рассказа и частых отступлениях, так и в пессимистическом отношении к английскому, так называемому «приличному» обществу» [8, с. 101]. В очерке подчеркивается роль Бульвера как преемника и продолжателя романтических традиций в английской литературе. Исследователь довольно подробно рассматривает те признаки, которые писатель унаследовал от предыдущего поколения романтиков, считая Бульвера «представителем последней переходной стадии развития романтизма не только по своей страсти к фантастическому, но и по стремлению объединить поэзию с наукой, но его поэзия при всей своей кажущейся капризности не свободна от яркой тенденциозности» [8, с. 102]. Критик не называет Бульвера массовым писателем, но перечисляет особенности, присущие именно массовой литературе: «Интерес возбуждается старинным, но верным способом: смешением вымысла с правдою» [8, с. 102], его романы названы «умеренно умными и очень занимательными, которыми (безо всякого вреда, но и без особенной пользы) до сих пор зачитывается весь образованный мир» [8, с. 103]. Романы английского писателя, по признанию Кирпичникова, соответствовали средним литературным нормам и в них использовались «старинные, но верные способы» привлечения широкого круга читателей. Это предположение подтверждает и высказывание русского ученого об исторических романах Бульвера-Литтона: «Его исторические романы пользуются большой известностью, но они едва ли не слабее всех остальных; причина в том, что

* Кирпичников Александр Иванович (1845-1903) – русский литературовед, член-корреспондент Академии наук, профессор МГУ. Занимался изучением истории русской и зарубежной литературы.

автор задался мыслью не выводить по возможности вымышленных лиц, а только исторические, а им некогда жить, влюбляться, отчаиваться; они только действуют на исторической арене» [8, с. 102]. Здесь исследователь имеет в виду рассмотренный нами выше роман «Риенци» и другие, такие, как «Король Гарольд», «Последний барон». Таким образом, историзму изображения, с точки зрения Кирпичникова, помешало введение Бульвером в повествование реальных персонажей, которых он не смог «оживить», показать их характеры во всей сложности и противоречивости.

И, наоборот, успех романа «Последние дни Помпей» Кирпичников объясняет тем, что «автор поневоле отступил от этого правила», введя в повествование вымышленных героев. Иными словами, изображение истории «домашним образом», столь распространенное в исторических произведениях 1820-30-х годов, исследователь и считает одним из «старинных, но верных способов» создания популярного сочинения.

Однако «всего искренней, задушевней и интересней по сюжету» автор очерка считает социально-бытовые романы Бульвера, написанные в 1850-70-е годы. Из них Кирпичников выделяет разнородные по жанру и содержанию произведения: «Что ему делать с этим?», «Странная история» (фантастический роман) и «Кенелм Чиллингли», в каждом из которых критик отмечает мастерство сюжетостроения, умение увлечь читателя и сочетание вымысла с «целой энциклопедией естественнонаучных знаний» [8, с. 94]. В этом ряду поздний роман «Кенелм Чиллингли» (1873), с точки зрения Кирпичникова, «едва ли не лучший по глубине мысли и теплоте чувства его роман», в котором русский исследователь один из первых выделяет новаторство автора в изображении главного героя, называя Кенелма Чиллингли «последним звеном в длинном ряде душевно разочарованных юношей XIX столетия и самым благодушным из них» [8, с. 94]. Бульверу, действительно, удалось представить характер главного героя в романе «Кенелм Чиллингли» как противоречивый и неоднозначный, сохранив в нем романтическое отчуждение, противостояние обществу, при этом лишив его способности активно действовать и бороться, в чем он предвосхищает образ князя Мышкина Достоевского. Эти качества и были верно подмечены и положительно восприняты критиком «Северного вестника».

Итак, несмотря на то, что Кирпичников считает Бульвера-Литтона автором второго ряда, исследователь не умаляет его заслуг в литературном развитии: с одной стороны, его творчество рассматривается как связующее звено между романтиками и реалистами, с другой же – как образец массовой литературы, своего рода пропаганда «естественнонаучных знаний» на популярном материале, одновременно позволявшем писателю высказывать свои взгляды и мнения.

По-иному воспринимал Бульвера-Литтона исследователь конца XIX века П.Д. Боборыкин. По своим литературным принципам и эстетическому мировоззрению он был во многом близок к зарубежному писателю середины века. Это явствует из отзывов, данных критиком о творчестве Бульвера. Боборыкин выделяет из всех произведений английского романиста примерно те же сочинения, что и Кирпичников, однако расценивает он их с иных позиций. Так, в «Пеламе» Боборыкин выделяет «британскую сатирическую жилу», обосновывая роль Бульвера не как последователя Байрона, а, скорее, как предшественника Диккенса и Теккерея, тем самым подчеркивая реалистические тенденции романа «Пелам». Отмечается также жанровое своеобразие этого сочинения: «...он, несмотря на свое блестящее положение и ответственность, как сановника и члена парламента, не затруднился произвести сатирический смотр всему тогдашнему обществу: большой свет, литературный мир, территориальное дворянство, буржуазия – ничто не было пощажено» [9, с. 500], чем Боборыкин объясняет невероятную популярность «Пелама», который «быстро облетел всю Европу, и наш Пушкин, вместе со своими друзьями, зачитывался им» [9, с. 500].

Анализируя другие романы Бульвера, исследователь также ставит их в один ряд с реалистическими произведениями современников писателя, считая, что «он явился еще

** Боборыкин П.Д. – русский писатель-беллетрист. Будучи редактором журнала «Библиотека для чтения» придерживался либеральных взглядов.

соперником Диккенса и Теккерея в своих сделавшихся знаменитыми «Кэктонах» и в новом ряде нравоописательных и сатирико-бытовых очерках из современной английской жизни, вплоть до последнего его романа, в свое время также переведенного по-русски под чисто британским заглавием «Что он с этим сделает?» [9, с. 500]. Боборыкин ставит творчество Бульвера-Литтона довольно высоко, называет его не только предшественником, но и «соперником» его великих соотечественников, акцентируя внимание на прогрессивных чертах его произведений. И все же критик делает оговорку о том, что творчество Бульвера представляет собой «те этапы общественного романа, которые и предшествовали, и сопровождали творческую деятельность двух главных корифеев» [9, с. 494]. В целом, несколько переоценивая значение Бульвера-Литтона, Боборыкин выделяет реалистическую сторону его творчества и показывает его влияние на русскую литературу, упоминая одним из первых имя Пушкина в связи с романом «Пелам».

Основываясь на представленном материале, можно сделать следующие выводы: в конце XIX столетия творчество Э.Бульвера-Литтона претерпевало в России переоценку и переосмысление. С одной стороны, оно вводилось в общий литературный контекст, в котором деятельность английского писателя представлялась как очередной, страдающий своими недостатками, но все же необходимый этап в ходе литературного процесса, с другой стороны, предпринимались первые попытки оценить сочинения Бульвера с научных позиций. Это вело к установлению за ним статуса писателя-беллетриста, отвечавшего средним литературным нормам своей эпохи. Именно тривиальность, массовость его романов и оказалась важнейшей причиной возобновления популярности Бульвера-Литтона в России 1880-90-х годов, периода активной демократизации русского литературного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Жизнь Бульвера, описанная сыном] // Исторический вестник. – 1884. – № 4. – С.224-225.
2. М.Л. Эдуард Бульвер: Биографический очерк: [По письмам и посмертным рукописям Бульвера-Литтона] // Вестник Европы. – 1885. Июль. – С. 216-248.
3. [Грядущая раса. СПб., 1891] // Колосья. – 1891. – № 9. – С.231-232.
4. [Последние дни Помпей. СПб., 1893] // Мир божий. – 1894. – № 6. – С. 205-206.
5. Леонтьева Н. [Риенци, последний из римских трибунов. СПб., 1898] // Образование. – 1899. – № 9 (Отд. 2). – С. 73-74.
6. Конский П.А. [Риенци, последний из римских трибунов. СПб., 1898] // Исторический вестник. – 1899. – № 6. – С. 1067.
7. [Риенци, последний из римских трибунов. СПб., 1898] // Русское богатство. – 1899. – № 3 (Отд. 2). – С.68-69.
8. Кирпичников А.И. Очерк истории романа XIX столетия: корифеи английского романа: Диккенс, Пеннерей, Бульвер // Северный вестник. – 1897. – № 11 (Отд.1). – С.93-109.
9. Боборыкин П.Д. Европейский роман в XIX столетии. – СПб., 1900. – 675 с.